

Dorota Kristina Rembiševska (Dorota Krystyna Rembiszewska)

ЛАТГАЛИЯ В ПРЕССЕ И ПОЛЬСКОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ РУБЕЖА XIX И XX ВЕКОВ

Предметом исследования являются связанные с Латгалией мотивы, представленные в текстах Стефании Уляновской (1839–?): её статьях, письмах (Письма) и неопубликованных фрагментах «Латышей Польской Инфлянтии»), а также в статьях Зигмунда Глогера (1845–1910).

Ключевые слова: Латвия в зарубежной прессе, Латгалия, польская пресса в XIX и XX веке, польско-латгальские связи.

LATGALE POLIJAS PRESEĒ UN EPISTOLOGRĀFIJĀ 19.–20. GS. MIJĀ

Rakstā tiek parādīta Latgales izpratne šādos avotos: Stefānijas Uļanovskas rakstos un vēstulēs, npublicētos „Łotysze Inflant Polskich” (Poļu Inflantijas latvieši) fragmentos (glabājas Polijas Zinātņu akadēmijas arhīvos un Polijas akadēmijā Krakovā, Nr. 1–29.a), vēstulēs, kas atrodamas Jana Karloviča dokumentos un glabājas Lietuvas Valsts vēstures arhīvā (fonds 1135, 10. izdevums), un Zigmunda Glogera, 19. gs. poļu etnogrāfa, kurš veicis pētījumus bijušajās Livonijas teritorijās, rakstos (publicēti „Biblioteka Warszawska” 1880. gadā un „Pamiętnik Fizjograficzny” 1881. gadā).

S. Ulanovskas vēstulēs un rakstos Latgale (kaut arī autore neizmanto šo nosaukumu) tiek pasniegta kā neierobežotu etnisku un arheoloģisku izpētes iespēju zeme. Autore ar lielu uzmanību apraksta reģionu ap Wielony (Viļāniem), kas attēlots viņas krājumā „Łotysze Inflant Polskich”. Z. Glogera raksti galvenokārt attiecas uz 1880. gada izrakumiem Marienhauzē (pašreizējā Viļaka), kas dod iespēju studēt un analizēt šī novada tradīcijas, uzskatus un etniskos jautājumus. Z. Glogers sniedz arī Marienhauzes apgabala latviešu uzskatus un apraksta līdzīgas tradīcijas, kas saistītas ar maizes cepšanu Podlases reģionā Polijā.

Atslēgas vārdi: Latvija starptautiskajā presē, Latgale, 19.–20. gadsimta Polijas prese, poļu un latgaliešu kontakti.

LATGALE IN THE POLISH PRESS AND EPISTOLOGRAPHY AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

The article discusses the picture of Latgale presented in the following sources: articles and letters by Stefania Ulanowska, unpublished fragments of “Łotysze Inflant

<http://dx.doi.org/10.17770/latg2017.10.2772>

Polskich” (stored in the Archives of The Polish Academy of Sciences and in the Polish Academy of Learning in Krakow, No. 1–29a), letters found in the documents of Jan Karłowicz in Lithuanian State Historical Archives (fund. 1135, inv. 10), and articles (published in “Biblioteka Warszawska” in 1880 and in “Pamiętnik Fizjograficzny” in 1881) by Zygmunt Gloger, a 19th-century Polish ethnographer, who carried out research in the former territories of Livonia.

In the letters and articles by S. Ulanowska, Latgale (the author does not use this name) is presented as a land of unlimited possibilities of ethnic and archaeological research. The author devotes much attention to the description of the region around Wielony (Viļāni) depicted in “Łotysze Inflant Polskich”. The articles by Zygmunt Gloger deal mainly with the 1880 excavations in Marienhaus (present Viļaka), which provide an opportunity to study and analyze customs, beliefs, and ethnic issues of the discussed region. The author mentions also the beliefs of Latvians from the area of Marienhaus and describes traditions related to bread baking in the Podlasie region.

Keywords: Latvia in international press, Latgale, 19th and 20th century Polish press, Polish-Latgalian contacts.

Предметом исследования являются связанные с Латгалией мотивы, представленные в текстах Стефании Уляновской (1839–?)¹: её статьях, письмах (Письма) и неопубликованных фрагментах «Латышей Польской Инфлянтии»², а также в статьях Зигмунда Глогера (1845–1910).

Объединение этих людей неслучайно, поскольку как С. Уляновская, так и З. Глогер в определённый момент в ходе своей исследовательской деятельности заинтересовались древней Инфлянтией, оба публиковались в географическо-этнографическом ежемесячнике «Висла» (издаваемым в Варшаве), и сотрудничали с его редактором – Яном Карловичем,³ который возглавлял журнал в 1888–1899 годах.

Оба занимались также археологией, хотя с разной интенсивностью. З. Глогер проводил исследования на старых кладбищах, результатом чего

¹ Дату и место смерти не удалось установить.

² Неопубликованные в „Zbiorze Wiadomości do Antropologii Krajowej Akademii Umiejętności w Krakowie” фрагменты *Łotyszy Inflant Polskich* находятся в Архиве Польской Академии наук (*Archiwum Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie*), в материалах С. Уляновской, сигнатура 1-29a (Папка). В 2017 опубликован перевод *Łotyszy Inflant Polskich* на латышский язык, в котором учитываться целостность рукописи С. Уляновской: Uļanovska, Stefānija (2017). *Poļu Inflantijas latvieši. Etnogrāfisks tēlojums*. Rēzekne: RTA.

³ Jan Aleksander Karłowicz (1836–1903) – исследователь фольклора, этнограф, музыковед, редактор географическо-этнографического журнала „Wisła”, автор «Słownika gwar polskich» и соавтор «Słownika języka polskiego», так называемого варшавского.

стали интересные находки и статьи. С. Уляновская, вероятнее всего, тоже участвовала в раскопках, о чём свидетельствуют пожертвованные ею в Археологический музей Краковской академии искусств предметы. В каталоге дарителей Археологического музея Краковской академии искусств можно найти информацию о передаче С. Уляновской в музейный фонд шестнадцати бронзовых и железных предметов с кладбища в Мариенгаузене (сейчас *Viļaka*, бывшая Инфлянтия) (Wróblewska-Bitner, Ciglis, Rādiņš 2005: 76).

С. Уляновская и З. Глогер не были связаны с Латгалией постоянно – на самом деле их пребывание в этой области тогдашней Витебской губернии в целом продлилось лишь несколько месяцев (у С. Уляновской) или несколько недель (в случае З. Глогера). С. Уляновская оказалась в Вилянах (*Viļāni*) благодаря своим дружеским связям – она гостила во владениях семьи Яновских,⁴ с которыми познакомилась в Пскове (Письма: 24 X 1889, л. 406), куда был интернирован её муж Владислав Уляновский за участие в Январском восстании (польское восстание против России 1863–1865). В свою очередь З. Глогер отправился в Мариенгаузен по приглашению жены маршала Яна Липского (Gloger 1881: 399), владельца мариенгаузенского имения. Скорее всего его вдохновил на это его хороший знакомый Готфрид Оссовский (Zalewski 2005: 249) – археолог, первый хранитель Музея национальных древностей Краковской академии искусств.

Современному читателю территориальное членение, которым пользуется С. Уляновская, с точки зрения сегодняшних географических границ иногда может показаться неясным или просто ошибочным. Например, когда она приводит литовский рассказ об аистах, в конце абзаца даёт примечание «Польская Инфлянтия» (E.S. 1884: 23). Та же принадлежность современной Латгалии отражена в другом её тексте: «Литва [...] вместе с принадлежащей ей Польской Латвией» [...] (Ulanowska 1893: 548). Само собой разумеется, что в работах С. Уляновской название Латгалия не встречается, поскольку в польской литературе XIX–начала XX в. функционировало только обозначение Польская Инфлянтия.⁵ Поэтому в заглавии публикации, благодаря которой С. Уляновская стала широко известной, фигурирует именно это географическое название (Ulanowska 1891).

«Латыши Польской Инфлянтии» – это трехтомная работа, в которой содержится этнографическое описание повседневной жизни, обычаев, обрядов и множество текстов песен, преданий, народных сказок, поговорок и пословиц жителей гмины Виляны Жежицкого повета. Труд С. Уляновской прочно вошёл в состав канонических текстов, касающихся прошлого одного из исторических краёв Латвии.

⁴ Местность Виляны с 40-ых годов XIX века принадлежала семье Яновских, ср. *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*, t. XIII, с. 360.

⁵ Ср. например: Baliński, Lipiński 1946, Chłopiccki 1863, Manteuffel 1879, Manteuffel 1883, Manteuffel 1886.

В напечатанную версию работы не вошла краеведческая информация, связанная с актуальным функционированием гмины Виляны. Однако, как уже упоминалось, в архиве сохранилась рукопись этих фрагментов, в которой можно найти подробные данные о расположении гмины, её площади, административном делении и населении. С. Уляновская представила в числе прочего статистику по отдельным конфессиям: католиков – 2928, старообрядцев (раскольников) – 1097, евреев – 345, протестантов (лютеран) – 53, православных – 35 (Папка, л. 164). Кроме того, она обозначила количество безземельных крестьян (батраков, то есть – коморников), и даже отметила размер налогов, которые они были вынуждены платить (там же). Она не упустила такие детали, как состав сельского совета, выборы в совет, упомянула также критерии, которым должны были соответствовать отдельные чиновники, например:

Писарь должен быть грамотным и даже обладать неким знанием права, чтобы мочь вести книги, составлять протоколы и приговоры по делам, чаще всего это православный, но может быть и католиком (Папка, л. 164–165).

На основании неопубликованных фрагментов можно констатировать, что С. Уляновскую на самом деле интересовало всё, что она увидела во время своего пребывания в Латгалии. Возможно, причиной, побудившей её описать подробнейшие детали был неинтеллектуальный восторг и скорее её неумение синтезировать и формулировать какие-то обобщения. Вероятнее всего поэтому С. Уляновская в рукописи так много места отвела функционированию бывшего вилянского суда и для лучшего восприятия даже описала ход одного из рассматриваемых дел (Папка, л. 166–167). Кроме того, в её работе упоминается о местной народной школе, а также о зернохранилищах и количестве хранимых в них злаков.

Подобное внимание к деталям свойственно и переписке С. Уляновской с Я. Карловичем, которая стала одним из важных источников информации о Вилянах и пребывании фольклористки в Инфлянтти. В одном из писем С. Уляновска описывает городок, называет также отдельные элементы локальной топографии: усадьбу, почту, здание полиции, фабрику кожаных изделий, гминную аптеку, к некоторым добавляет качественные и относительные прилагательные: «костёл большой, каменный, по-бернардински, с обширными монастырскими стенами», «великолепная, двухэтажная корчма», «великолепный двухэтажный дом» (Письма 24 X 1889, л. 405v), в результате чего мы получаем не только подробную, но и пронизанную субъективизмом картину:

а всё это со всех сторон окружено множеством маленьких и малюсеньких хатёнок – мещанских, крестьянских [...].

это деревянный домик, состоящий из двух комнаток, очень опрятный, а посередине лыко, словно шубка, и хотя сейчас вихрь дует, мороз морозит, у

меня тепло, как в медвежьем ухе (Письма 24 X 1889, л. 409 4).

С. Уляновская в Латгалии чувствовала себя прекрасно, что неоднократно подчёркивала в своей личной переписке с Я. Карловичем:

И как же мне тут нравится! Возможно я так глупа или наивна, что у меня от всего этого невыразимая радость. Почему-то эта Варшава так далеко – я бы сейчас же Вас уговорила на поездку в Виляны. И Вам бы тут понравилось, и я бы Вас познакомила с «моими» краснобаями (Письма 26 XII 1889, л. 421).

С. Уляновская подружилась с местными жителями, охотно участвовала в разных торжествах, знала много людей, о которых часто упоминала в письмах к Я. Карловичу. О хорошей ориентации в местных отношениях свидетельствуют детали, связанные с конкретными жителями, например: «этот декан это благородная душа, преданный своим прихожанам, не жадный, скорее сам даст, чем возьмёт» (Письма 10 XI 1889, л. 415), «живёт Т. Z. становой пристав», «двухэтажный дом главного шаромыжника Вилянского» (Письма 24 X 1889, л. 405v).

С. Уляновская проявляла интерес к языку в самом широком смысле – начиная с ономастических вопросов и кончая проблематикой диалектной лексики. Исследовательница подготовила в числе прочего список фамилий жителей Вилян и окрестностей (Папка, л. 173–186), отметила имена, которыми тогда называли детей, добавляя свои комментарии:

Что они вытворают с этими именами – при крещении сами их выбирают, да ещё и самые изысканные! В одной семье в Кукоях есть Ансельм, Матильда и Пилермония! В городке-то слышу, что есть Аркадеуш и Алпон – то есть Альфонс [...] А снова одного несчастного Фаустина превратили в Паутина,⁶ что по-латышски имеет такое резкое значение, что мать молилась Богу, чтобы этот ребёнок умер, потому что ей стыдно, что его так зовут (Письма 10 XI 1889, л. 415).

Надо отметить, что в самом начале исследований на территории Латгалии С. Уляновская немного знала о латышском, а тем более о латгальском языках. В письме к Я. Карловичу она обращается к нему с языковедческим вопросом:

Скажите, пожалуйста, к какой области или к какой группе относится латышский язык? Ведь в филологии, или скорее в сравнительной грамматике он должен иметь своё место [...] (Письма 3 II 1890, л. 424).

Спустя некоторое время С. Уляновская, несмотря на отсутствие теоретической подготовки в области балтийских языков, на неплохом уровне овладела как латышским, так латгальским языком.

Благодаря тому, что С. Уляновская очень часто меняла место жительства и много путешествовала, она могла наблюдать за разнообразием деревенских

⁶ Вероятнее всего, речь идёт о латгальском *pautenš* диминутив от *pauts* ‘яичко, тестикула’ (информация от проф. Nicole Nau).

усадеб, что позволило ей отметить различия в видах домов и хозяйственных построек в разных частях Российской империи, а также земель, относившихся к Австрийской империи. Результатом местных экспедиции в окрестности Вилян стало описание латышской хаты (Ulanowska 1890) (проиллюстрированное тремя гравюрами), в котором исследовательница представила наиболее характерные элементы крестьянского дома и сарая; кроме того прилагался рисунок (созданный по поручению С. Уляновской) «площадки для молотьбы» из деревни Кукои (Ulanowska 1893: 383). Короткий текст, иногда очень общий (например, «двери [хаты] – старинные, такие сегодня только в старых хатах можно увидеть», на самом деле едва вводит в тематику, но содержит местные диалектные названия, такие как, например, *pajumtia* ‘навес’ (Ulanowska 1890: 197), *odryna* ‘сарай’, *žepiery* [žeperi] ‘забор из рогатых елей или верхушек’⁷ (Ulanowska 1890: 200). Опубликованные рисунки – хорошее дополнение, которое является одним из немногочисленных графических свидетельств, запечатлевших такой важный элемент культурной картины описываемой территории, каким является деревенская архитектура.

Хотя С. Уляновская прежде всего уделяла внимание наблюдениям за современностью, культивированием обычаев, состоянием материальной культуры здесь и сейчас, она также не отказывалась и от тематики, касающейся древней истории и археологии. Из-за отсутствия достаточных источников, во время пребывания в Латгалии исследовательница просила Я. Карловича расширить её знания в области прошлого данных земель:

И если сможете, будьте любезны, загляните в какую-нибудь хронику или в какой-нибудь старый словарь, есть ли там что-нибудь о возникновении, происхождении латышей, их первоначальном появлении. Мне тут неоткуда узнать об этом, – в энциклопедии Оргельбранда я нашла упоминание о них, но предполагаю, что Вы знаете больше. Буду Вам очень обязана, если Вы передадите мне эти сведения (Письма 3 II 1889, л. 424v).

Мотив древней истории окрестностей Вилян появился также в другом письме, где С. Уляновская добавила комментарий:

Есть здесь под Вилянами гора над рекой Малта, которая носит название Кара-Копье [Kara-kopie], это воинская, то есть рыцарская могила. Заметны насыпные курганы – материал для Глогера (Письма 26 XII 1889, к. 419).

Упоминание о Замковой Горе („*Pilis-kołns*”⁸) свидетельствует о том, что С. Уляновская знала работы З. Глогера, посвящённые его археологическим раскопкам в Мариенгаузене, которые он проводил в 1880 году. Возможно, что именно этнолог из Подлясья вдохновил С. Уляновскую на поиск средневековых

⁷ На польском: „*odryna ‘stodoła’, žepiery [žeperi] ‘plot z rogowych świerków lub wierchołków’*”. (Ulanowska 1890: 200).

⁸ Ulanowska 1891, III: 235–236 опубликовала народное предание связанное с этим местом.

памятников. Экспедиция З. Глогера была важна для исследования местных кладбищ, потому что в её результате было открыто множество металлических памятников, в том числе разных украшений и посуды, а также – что наиболее существенно – костного материала.

Информация о находках З. Глогера в Мариенгаузене была зафиксирована в 1885 г. Густавом Мантейфелем в географическом компендиуме – Географическом словаре царства Польского.⁹ З. Глогер ссылаясь на Польскую Инфлянтию Г. Мантейфеля, приводит информацию о прошлом города, в котором вёл исследования.

Благодаря З. Глогеру прижилось название посёлка Габачево (появляется также в других археологических статьях этого периода (Dudrewicz 1881: 403–406)), которое, как упоминает тогдашний археолог XIX века, находится в «двух с половиной милях от Мариенгаузена» (Gloger 1880: 132).

Кстати, следует отметить, что археологическая экспедиция польского исследователя, проводившаяся несколько десятков лет назад, увековечена и в современности. В небольшом областном музее в местности Виляка (*Viļakas novada muzejs*) часть постоянной экспозиции посвящена экспедициям З. Глогера на этой территории.

Полевые исследования З. Глогера в восточной Латвии принесли не только археологические находки. Исследовательская деятельность в Витебской губернии дала также много других положительных результатов в виде сравнительного материала для этнографических описаний. Так, когда З. Глогер писал о древнем обычае принесения хлеба в жертву богам в Подлясье, сохранившемся и после принятия христианства, для подтверждения своей информации, касающейся распространения этого явления, он ссылаясь именно на случай из Латвии:

Я сам ещё видел у латышей в окрестностях Мариенгаузена, несмотря на запрет со стороны духовенства, принесённые в виде жертвы для духов, живущих в старых лесных трухлявых дубах: яйца, мёд в сотах, сыр, хлеб, и другие похожие подарки (Gloger 1898: 339).

С точки зрения современного исследователя, как С. Уляновская, так и З. Глогер ярко отметили своё присутствие в бывшей Польской Инфлянтii,

⁹ „Niedaleko jeziora i dworu jest pagórek, na którym odkryto przed paru laty starożytne cmentarzysko. Z. Gloger cmentarzysko to rozkopał i znalazł tu wielką ilość ozdób bronzowych i wyrobów żelaznych, a mianowicie 15 pierścieni, 60 dzwoneczków i brząkałek, kilkanaście bransolet, sprzążek, kilkanaście naszyjników, kilkadziesiąt guzów, wiele łańcuszków, wisiadeł blaszkowych, mnóstwo perełek szklanych najrozmaitszej wielkości i barwy, tudzież kilkaset sztuk muszli białych, jakie dotąd służą za monetę w Indyach, Tybecie i Sudanie, przedziurawionych do nawlekania, których cały sznur znajdował się na szyi każdej pogrzebanej kobiety. Przy wojownikach leżały żelazne groty oszczepów i bardysze, czyli siekiery do podpierania i walki służące” *Marienhaus* [w:] *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*, VI: 155.

сегодняшней Латгалии. У обоих учёных обнаруживается большой интерес к этой территории, осознание перспективности разработки многих тем из области этнографии, археологии, диалектологии. В письмах и публицистических текстах С. Уляновской может и нет глубоких рассуждений и эрудированных интерпретаций, однако они пронизаны неподдельным восхищением Латгалией и её жителями. В то же время у З. Глогера Мариенгаузен — лишь одно из мест на его археолого-поисковой карте, но место очень важное, что подтверждается результатами экспедиций.

Выбор С. Уляновской и З. Глогера для представления в данной статье латгалских мотивов в трудах польских учёных был сознательным и целенаправленным. Внимания заслуживает исследовательская перспектива — она сосредоточена не только на поисках следов польского присутствия или на славянских мотивах, но и на Латгалии и её жителях как неотъемлемой части края, на долю которого пришлось сложное прошлое, отмеченное сосуществованием различных наций и религий на этой относительно небольшой территории.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Письма – Lietuvos valstybės istorijos archyvas, Jano Karlovičiaus fondas, F 1135, ap. 10, Listy Stefanii Ulanowskiej do Jana Karłowicza, 112.

Папка – Archiwum Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie, Teka Stefanii Ulanowskiej, sygn. I–29a.

ЛИТЕРАТУРА

Baliński, Michał, Lipiński, Tymoteusz (1846). *Województwo, czyli księstwo inflantskie* [w:] idem, *Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym*, t. 3.

Warszawa: Druk Orgelbranda i Synów. 851–863.

Chłopicki, Edward (1863). *Inflanty*, [w:] idem, *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju (Inflanty, Żmudź, Litwa i Pobereże)*. Warszawa: Ch. Kelter & S. Rothmühl. 10–34.

Dudrewicz, Leon (1881). O czaszkach ludzkich z cmentarzyska w Maryjenhausie.

Pamiętnik Fizyograficzny. t. 1. 403–406.

E.S. [Stefania Ulanowska]. *Symbolika wiosenna*. Kraków 1884. <http://cyfrowa.chbp.chelm.pl/dlibra/doccontent?id=9262>, sk.11.03.2107.

Gloger, Zygmunt, (1880). Wykopaliska maryjenhauskie. *Gazeta Warszawska*. t. 1. nr 243. 132.

Gloger, Zygmunt (1881). Wykopaliska maryjenhauskie. *Pamiętnik Fizyograficzny*. t. 1. 399–402.

Gloger, Zygmunt (1898). Chleb (o chlebie i zwyczajach przy pieczywie u ludu w Tykocińskim). *Wista*, t. 12. 336–342.

Manteuffel, Gustaw (1882). *Inflanty* [w:] *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*. t. 3. 278–290. Warszawa: Kasa im. Józefa Mianowskiego.

Manteuffel, Gustaw (1879). *Inflanty Polskie poprzedzone ogólnym rzutem oka na siedmiowiekową przeszłość całych Inflant*, Poznań

Manteuffel, Gustaw, (1886). *Listy z nad Bałtyku*, Kraków: Druk Wł. Anczyca.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego (1885). t. 6. Warszawa: Kasa im. Józefa

Mianowskiego.

Ulanowska, Stefania (1890). Chata łotewska. *Wisła*. t. 4. 197–200.

Ulanowska, Stefania (1891). Łotysze Inflant polskich a w szczególności Gminy Wielońskiej, powiatu rzeżyckiego. Obraz etnograficzny. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej Akademii Umiejętności w Krakowie*, Kraków cz. 1, t. 15. 181–282; Kraków 1892, cz. 2, t. 16. 104–218; Kraków 1895, cz. 3, t. 18. 232–492.

Ulanowska, Stefania, 1893. *Na odmiennych nutach* [w:] *Upominek. Książka zbiorowa na cześć Elizy Orzeszkowej (1866–1891)*. Kraków: Gebethner i Spółka. Petersburg: Br. Rymowicz. 548–550.

Wróblewska-Bitner, Anna, Ciglis, Jānis, Rādiņš, Arnis, (2005). *Latvijas arheoloģiskās senlietas Polijas krātuvēs. Zabytki łotewskie w zbiorach polskich*. Rīga: Latvijas Nacionālais Vēstures Muzejs, Państwowe Muzeum Archeologiczne.

Zalewski, Marek (2005). *O dalekich i bliskich wyprawach archeologicznych Zygmunta Glogera* [w:] Bittner-Wróblewska i in. 246–257.